

Олег Селедцов

НЕТ В РАЮ НЕРАСПЯТЫХ

повести

Олег Селедцов

Нет в раю нераспятых. Повести

«Издательские решения»

Селедцов О. В.

Нет в раю нераспятых. Повести / О. В. Селедцов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902281-3

В новую книгу известного российского писателя О. Селедцова вошли две ранние повести, объединённые темой сбережения в людях чести, достоинства, благородства, христианского самопожертвования во имя торжества добра и справедливости.

ISBN 978-5-44-902281-3

© Селедцов О. В.
© Издательские решения

Содержание

Нет в раю нераспятых	6
1	6
2	13
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Нет в раю нераспятых Повести

Олег Валерьевич Селедцов

© Олег Валерьевич Селедцов, 2018

ISBN 978-5-4490-2281-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нет в раю нераспятых (Повесть о блаженных)

1

– Ой, да что же такое делается-то! Люди добренькие, да за что же это? Как же мы теперь-то, отец родненький?

Почитай полдеревни высыпало к дому священника отца Феогноста, возле ворот которого стояла подвода, охраняемая красноармейцем. Еще два красноармейца с винтовками производили обыск в доме батюшки. Искали золото, драгоценности, а может и оружие. Всего можно ожидать от пособников белогвардейским бандитам. Комиссар в кожаной куртке и матросской бескозырке размахивал маузером перед носом испуганной попадьи, ругаясь жуткими флотскими словечками, так, что и понять-то было нельзя, чего от нее хотят.

– Сыночек, ты толком, толком говори. Чего надо-то?

– Ах, бисова жена, якорь тебе в дышло. Расстрелял бы и тебя, и белобрюхого твоего муженька. Вот из этого моего боевого товарища. А чего с вами цапки разводить? Судить и прочее? К стенке и разговор кончен. Собирайся, чертова баба. С нами поедешь. Попа твоего мы все равно кончим, а с тобой пусть товарищи в городе разбираются. Всех вас за ушко да на верхнюю палубу, сволочи белогвардейские.

– Чего же ты, сынок, так ругаешься? Батюшку бранными словами осыпаешь, лукавого поминаешь? Грех ведь.

– Я тебе не сынок, ведьма поповская! Тысячу чертей тебе за пазуху! Бога вашего в печонки! Грех вспомнила? А когда твой мужичок, падла церковная, благословлял крестом расстреливать красных бойцов, о грехах-то небось не думала? У, как я вас святош ненавижу! Рожи эти поповские лоснящиеся!

У отца Феогноста лицо было отнюдь не лоснящееся. Батюшка был худощав, с жиденькой седой бородашкой, с испещренным по-детски маленьким личиком. Он уже давно оделся и терпеливо ждал решения своей участи. Протоиерейский серебряный крест с него сорвали, и он, пытаясь по привычке нащупать на груди единственное свое оружие, врученное ему Богом для борьбы с нечистым, хватал рукой пустоту. Ни кладов, ни боеприпасов в доме не нашли. Забрали евангелие в серебряном окладе, да несколько икон в ризах из цветного металла. Отца Феогноста с матушкой вывели во двор под общий рев деревенских баб и детворы.

– Тихо! Тихо всем! – кричал комиссар, – граждане свободной советской деревни! На ваших глазах происходит справедливое возмездие злостным врагам рабоче-крестьянской власти. Белогвардейский поп и его вредная жена арестованы именем трудового народа! Еще немного, товарищи, и мы покончим с белобандитско-религиозными извращениями, построим новую, светлую жизнь, в которой не будет ни бога, ни царя, ни помещика! Да здравствует мировая революция, товарищи! Ура!

Однако клич его никто не подхватил, даже красноармейцы, прятавшие от народа глаза под надвинувшимися на брови козырьками буденовок. Комиссар сплюнул и приказал трогать. Вой и рев народа провожал подводу до конца деревни. Уже у самой околицы словно встрепнулась певчая Дуня:

– Ой, люди добренькие, а что же с детками-то батюшки будет?

У отца Феогноста было четверо деток. Три девочки, старшей из которых шел пятнадцатый годок, и мальчонка пяти лет. Двое старших сыновей батюшки сгнули на полях граждан-

ской в добровольной армии, а еще одна дочь не вернулась с германской войны, сгорев в эшелоне красного креста при обстреле станции в Белоруссии.

Деревня, словно очнувшись, перестала выть, уставившись на лихого комиссара.

– Спокойно, товарищи! Советская власть не воюет с детьми. Поповских ребятишек мы перевоспитаем, сделаем из них преданных делу революции товарищей. Завтра за ними из города придет уполномоченный и заберет их в детскую трудовую колонию имени героя гражданской войны товарища Дундича!

Народ еще повздыхал, поплакал, но делать нечего. Нужно было расходиться по домам, а детей поповских, пока они не попали к Дундичу, взяла к себе Дуня.

Герой гражданской войны Олеко Дундич действительно имел отношение и к деревне Никольской, и к районному центру – городу Светлогорску, куда увезли отца Феогноста. Здесь, грома «банды белогвардейских сволочей», а заодно и их пособников, в полной мере раскрыл бесстрашный серб свой полководческий талант. В самой Никольской особых боев не было, правда, выстрелы звучали. Когда за околицей, в овраге «беляки» расстреливали крестьянских активистов и пленных «товарищей», или когда здесь же «товарищи» расстреливали пленных «беляков» и их поганных прихвостней.

Нет, отец Феогност ко всему этому отношения не имел. Никого и никогда на расстрелы он не благословлял, а, наоборот, каждый раз, когда за околицей гремели выстрелы, его мальчишеское личико прорезали все новые и новые морщинки. Батюшка вставал к святому углу и молился, молился до самого утра, когда нужно было идти служить обедню. За литургией, было дело, служил отец Феогност панихиды по невинно убиенным, а диакон Петр, возглашая ектенью, особо выделял голосом прошение о мире. Признавали ли служители Свято-Никольской церкви деревни Никольской новую московскую власть? Это было делом их совести, но молитва о властях, как положено, возносилась в храме ежедневно. Кому и за что не понравились служители деревенской церкви остается загадкой, тем более, что арестовали отца Феогноста почти через год после разгрома в Крыму последних отрядов Врангеля.

С отправкой в Светлогорск священника с матушкой аресты в Никольской не закончились. Как пособников белогвардейщины увезли в районный центр через несколько дней диакона Петра, церковного старосту – древнего уважаемого деда Маркела, воевавшего еще в крымскую кампанию, пономаря, сторожа и почти всех певчих, кроме Дуни, у которой муж погиб, сражаясь на стороне красных. Впрочем, мужичонка он был никудышненький. Выдали за него Дуню без особого ее согласия. К работе деревенской охоты он не имел, любил песни петь, да самогончочкой угощаться, поэтому, как началась германская, призвали Дуниного мужа едва ли не первым, не потому, что лучший, а потому, что, избавившись от такого работника, деревня ровно ничего не потеряла. Только Дунин мужичок не захотел в германцев стрелять, а подался в бега, попал в столицы, а там враз выучился быть агитатором. Так что в красной армии он оказался отнюдь не случайно. В Никольской его так больше никто и никогда не видел, и о том, как погиб большевистский агитатор, никто вдове и малолетнему ее сыночку рассказать не мог. Да она и не тужила особо, отдав всю любовь русского своего сердечка сыну да церкви, где истово молилась за непутевого мужа, когда еще не достигла Никольской весть о его гибели, и за прощение тяжких грехов неприкаянной его душе, став вдовой. Забрав к себе деток отца Феогноста, она и думать не могла, что какой-то там Дундич, который по слухам, тоже погиб на гражданской, посмеет отобрать у нее сироток. Отобрал. Через месяца полтора, в начале осени, вернула к Дуниному дому знакомая подвода с вооруженными красноармейцами, и как не плакала, как не голосила несчастная певчая, осталась она вновь со своим единоутробным сыном, одна на всем белом свете, лишенная мужа, приемных деток и духовника – батюшки Феогноста. И тогда решились Дуня на отчаянный поступок. Пристроила сынка к доброй соседке – тоже вдовице, и пошла в город к Дундичу искать справедливости и управы на лиходеев, отнявших у нее бедных сироток. В Никольскую она больше не вернулась. Впрочем, по губернии

гулял-развлекался тиф. Может быть, он и скопил по дороге несчастную вдову, а может... Время странное, время страшное, время лихое.

Совсем осиротела деревня без клира и причта, пообвыкшаяся было уже с потерями гражданской войны. А куда денешься? Нового батюшку из города не присылают. Стали деревенские богомольцы ходить в Преображенку за тридцать семь верст. Там церквушка хоть и старенькая да деревянная, а все с попом. По праздничным и воскресным дням народищу в церкви было – ни крест наложить, ни поклон сделать. Да только недолго и там службы шли. Побывала в Преображенке злополучная подвода, и некуда стало ходить на службы окрестным крестьянам. Пробовали, было, бабы да кое-кто из мужиков проводить малые богослужения, молебны с акафистами без батюшки. Да разве ж это службы? Так, слабое молитвенное утешение. Без водосвятя-то. Без клубов душистого дыма от ладана. Эх... Что уж говорить, как истосковалось русское сердце по евхаристии, по святым Христовым тайнам. Помыкались крестьяне и собрались на сход – ни сход, совет – ни совет, а токмо, чтоб едиными устами и чистым сердцем славить истину, как сказал об этом пастух Егорка, освобожденный в свое время от мобилизации из-за чахотки.

Решили люди избрать священнослужителей из своих и делегацией пойти к архиерею в город, чтобы рукоположил и утвердил. Долго решали да рядили мужики да бабы, определяя достойных. Если с батюшкой все было понятно: кому, как ни Лавру Фомичу – человеку уважаемому, крестьянину доброму, хозяину рачительному, знающему грамоту – нести сей крест, то остальных выбирали придиричиво, чай ни картуз к празднику – священнослужителей. Диаконом утвердили кузнеца Григория, сторожем – пастуха, старостой – вдову Степаниду, у которой жил теперь Дунин сыночек. Женщиной она была благочестивой. В день воскресный делегация отправилась в город. Семь человек самых уважаемых и образованных, включая кандидатов на должности священника и диакона. Епископ Игнатий принял мужиков радушно. Жажду духовную сердцем в крестьянах прозрел, собор деревенский одобрил. Через месяц в Свято-Никольской церкви служили первую за полгода литургию. Красота! До чего же радуется мужицкая душа. Словно пасха среди зимы. Вся деревня, даже бывшие красноармейцы, придя к церкви, не голосами, сердцами пели: «Тела Христова прими-и-те. Источника бессмертного вкуси-и-те». Радует деревня. Радует земля русская. Радуют ангелы на небесах. Радует Тот, Кто с нами до скончания веков. Чудо! Жива вера мужицкая революцией неперекованная, войной не растерзанная, арестами не запуганная. Жива.

* * *

Светлогорск. Наше время.

В автобусе тесно. Народ едет святить куличи и крашенки. Сегодня Великая суббота. Анастасия Ивановна не без труда протиснулась в салон на своей остановке. В ее сумке тоже аккуратно уложены творожная пасха, десяток яиц и три кулича: себе, соседям и в храм. Собственно говоря, ехала Анастасия Ивановна в соборную церковь не столько, чтобы освятить продукты пасхального стола, сколько повидаться со старцем Игнатием, всего на несколько дней приехавшим в Светлогорск – город, где без малого восемьдесят лет назад начиналось его пастырское служение. И встретиться со старцем ей необходимо было не из праздного любопытства. Встреча эта могла бы помочь учительнице истории Анастасии Ивановне Красновой, почти десять лет скрупулезно, по-христиански смиренно, собиравшей материалы по истории епархии. Никто не обязывал школьного учителя заниматься этим непростым делом, разве только долг памяти. Сгинула бесследно в пучине великой русской смуты бабушка учительницы – Евдокия Семибратова, певчая церкви деревни Никольской, которую прихожане ласково называли Дуней. Долго скитался по чужим людям, по чужим дорогам и весям отец учительницы – Иван Семибратов, оставшийся в семь лет от роду круглым сироткой. Долг памяти.

Да разве еще случай чудной, объяснение которому Анастасии Ивановне найти было трудно, да, откровенно говоря, и не хотелось. Однажды с группой своих учеников, еще на заре «перестройки» посещала она древнюю христианскую обитель, в которой уютно размещался тогда филиал областного краеведческого музея. Рассказав об истории родного края, иллюстрированной примерами из жизни монастырей, распустила учительница своих подопечных побродить по обители, а сама зачем-то вошла в маленькую церквушечку, беленькую и аккуратную. В церкви было тихо и спокойно, ни единой души. Только стены, укутанные древними фресками, да пылинки, закручивающиеся вихрями в лучах солнца, пробивавшиеся в храм сквозь оконца. Вот так же, наверное, стояли когда-то на воскресных службах деда и прадеды Анастасии Ивановны, и их молитвы сплетались в единый вихрь, по солнечным лучам вздымались в небо. И в этом было счастье людей, что молитва их слышна, что кто-то знает их, отвечает, находится где-то рядом, посреди них. Чудно. А ведь было же.

– Конечно, было. И сейчас есть. И будет. Покуда стоит мир сей, Богом данный.

Дедушка. Старенький. Совсем седенький. Лицо строгое. Но глаза ласковые, лучистые как струйки, пробивающиеся сквозь оконца.

– Ой, дедушка. Я и не заметила, как вы вошли. Замечталась.

– Испугалась? Ты не бойся меня, Настенька. Я тебя не обижу. Душа у тебя чистая. Чуть в сажу житейской. Но это не беда. Трудями, да покаянием очистишься. А потрудиться придется, если счастье, о котором давеча мечтала в своем сердце, почувствовать захочешь.

– Откуда вы меня знаете, дедушка. Мы встречались раньше?

– Встречались, милая. И с тобой. И с батюшкой твоим горемычным, и с бабушкой – невестой Христовой, и с прапрадедами твоими, что в мою честь строили храмы на Руси Православной.

– Сколько же вам лет, дедушка?

– Не о том печись, деточка, о другом летосчислении ревность имей. Дан тебе Богом талант летописца, так не зарывай его глубоко в землю. Верни людям то, что по нерадению своему они сами от себя спрятали. Помогим им, и сама спасешься. А теперь прощай. Не досуг мне. Вот только крест свой носи, ты ведь крещеная. Помни об этом.

Словно очнулась Анастасия Ивановна. Тот же храм. Те же пылинки пляшут в лучах света. Ни души вокруг. Привидится же такое. Вышла учительница из церквушки, да обернулась ненароком. Над воротами икона висит. А на ней старичок седенький. С нимбом над головой да с крестами на плечах. Точь-в-точь, что давеча с ней разговаривал. Чудно! Ох, чудно. Пора детей собирать к концу подходит экскурсия. Да только что это? Откуда? Это-то как объяснить? В руке сжимала Анастасия Ивановна маленький серебряный крестик, что носят на шее старые бабки, продолжающие в век электроники и космических ракет ходить в церкви и молиться своему Богу.

Прошло года два, и сама Анастасия Ивановна с чудным крестиком на своей шее пришла в храм на молитву. Почему? Разве объяснить это словами. Видать Кто-то, кто вечно был посреди предков-храмостроителей, не оставил, по их молитвам чуть запачканную сажой мирской, но все же светлую душу учительницы. И стала Анастасия Ивановна ходить в церковь и долго молиться, пусть неумело, перед иконой доброго ее знакомого, седенького дедушки, которого, и теперь она это знала, звали Никола-чудотворец. А еще некоторое время спустя, получила она из епархиального управления предложение написать историю епархии в советское время. Много лиха хлебнула церковь в те года. Много было сгинувших, умученных, оклеветанных. Вспомнила тут Анастасия Ивановна слова седого дедушки о даре летописном и стала по крупицам искать то, что по нерадению своему спрятали люди сами от себя.

И вот прошло без малого десять лет. Сегодня Великая суббота. В автобусе шумно. Анастасия Ивановна невольно прислушивается к громким разговорам пассажиров. Говорят о пасхе, об освящении продуктов, о посте.

– Так сегодня нужно поститься или нет?

– Нужно, конечно, но пост сегодня не такой строгий, как, например, вчера. Вчера вообще нужно было воздерживаться от еды.

– А мы постились, как считали нужным. Молоко пили, яички кушали, а мясо только в воскресенье.

– А мы без мяса не можем. Привыкли. Всю жизнь с мясом.

– Коммунисты семьдесят лет не давали поститься, а теперь мы должны обходиться без мяса?

– Попам проще. Они всегда постились. Привыкли уже.

– Кто постился? Попы? Да вы на их рожи лоснящиеся посмотрите. Людей заставляют поститься, а сами, небось, весь пост мясо жрали да вино пили.

– И не говорите. Недавно под гимназию свою поповскую, чи семинарию, шут их разберет, отобрали у школы целый корпус. Люди, мол, без Бога, прожить не могут. А без школы могут?

– А рожи-то, рожи. Так и лоснятся.

– Женщины, что же вы продукты-то святить к попам едите, если так вас от них мутит?

– Так принято. Наши деды и прадеды завсегда на пасху яйца святили и пасхи.

– Наши деды и прадеды всегда постом говели, а пасху в храме встречали, и священство за глаза не обсуждали.

– Ишь, правильная нашлась. Ты часом не из этих, которые иеговы?

– Как вам не стыдно? Я православная христианка.

– Это тебе стыдно должно быть, что в чужие разговоры лезешь.

– Да что с ней говорить. Поповская защитница. С иеговами этими и то интересней.

Анастасия Ивановна слушает такие разговоры молча. Она уже знает, что встревать и убеждать в чем-то упертых российских женщин бесполезно. Несколько лет пыталась она доказать родителям своих учеников, что в Светлое Воскресенье ходить на кладбище не нужно, что есть для этого особый пасхальный день – Радоница. Куда там! Ответ один: «Наши деды и прадеды завсегда так делали, а ты нам, мол, не указ». Обидно только. Русские ведь люди. Вон в городе уже второй зал царства Иеговы отгрохали. Огромный, почти с квартал, всяких строений и зданий. А соборный храм ютится в простой приходской церквушке, потому что денег на строительство кафедрального собора у епархии нет. Семь лет как побывал в Светлогорске Святейший Патриарх, освятив закладной камень на месте строительства, и с тех пор удалось лишь вырыть котлован, да залить фундамент. Залить-то залили, да цемент оказался некачественным, потрескался. Нужно ломать да заливать по-новому. А где денег взять? Пожертвований прихожан едва хватает, чтобы отремонтировать действующий собор. Отец настоятель колоколенку строить задумал и то, слава Богу!

Вот и остановка. Автобус пустеет. Со всех сторон стекаются к церкви ручейки русского люда. Куличи святить. Анастасия Ивановна расспрашивает в свечном ящике, в бухгалтерии, в трапезной, когда будет старец Игнатий. Никто толком не знает. Придется ждать. Посвятив свои продукты, она садится на скамеечку возле храма. День сегодня чудный. Постом почитай все дни дожди шли. А вот сегодня солнце с утра. Пекло. Можно на скамеечке посидеть, не боясь застыть. Вон из храма вышел молодой батюшка. Он два-три месяца как в епархии. Говорят, у него хорошее семинарское образование. Анастасия Ивановна приветливо кланяется проходящему священнику.

– Благословите, отец Василий. Вы сегодня утром служили. И весь день на ногах, а всюнощную как же?

– И всюнощную, сестра, буду служить. Обязательно.

– Хоть бы домой сходили, передохнули.

– Некуда мне идти. Нет у меня дома.

– Как так нет? А семья. У вас ведь трое детей... кажется.

– Трое. И семья. Но они живут в Синереченске. Я ведь на Украине учился. Там же меня рукополагали. Женился. Женщину взял добрую, работающую, набожную. Вдовицу. С тремя детьми. И все бы хорошо, да родители ее родом с этих мест, уговорили нас переехать. Мол, рядом жить будете, а мы вам поможем, да и священники, мол, здесь нужны. Приехали. В Синереченске у родителей жены трехкомнатная квартира. Одну нам выделили. Временно. Церквей в городе три. Священников по полному штату. Служить негде.

– А в районе? В сельских церквях?

– Пробовал. Пошел пешком в областной центр. Это семьдесят пять километров. Ничего. Добрые люди помогли. Попутками добрался до епархиального управления. Владыка Ефрем выслушал и только руками развел. Приходов по области мало. Иерейских вакансий нет. Люди к вере отеческой возвращаются туго, нехотя. Вот сектанты преуспевают. Почитай в каждой деревушке у них собрание. Залы царств огромные, молитвенные дома в три этажа. А церквушки стоят покосившиеся, полуразрушенные. Да.

– А как же Вы, батюшка, у нас оказались? У нас ведь другая епархия.

– Служить надо где-то. Семью кормить. Родители жены ничего, терпят. Не гонят нас пока. Но нельзя же все время на их шее сидеть. Пробовал я подрабатывать. В артель лесозаготовительную устроился. Хорошие деньги получал, приоделся сам, семью приодел. Да вот беда – артельщики как зарплату получают, так недели на две в запой уходят. Приходится сидеть без работы. А тут еще сектанты одолевать стали. Узнали про мое положение, пришли ко мне большой делегацией, мол, иди к нам служить. Дом двухэтажный сулили. Зарплату – пять иерейских. Стол для семьи. Насилу выпроводил. Так почти каждый день теперь ходят. Подарки носят. Уговаривают. Ох, искушение. Я к сектантам не хочу. Православный я...

Возле Анастасии Ивановны и отца Василия останавливается проходивший мимо мужичок в сильном подпитии. Он старается вслушаться в разговор и, наконец, перебивая батюшку, вставляет реплику:

– Это, святой отец, правильно.

– Что правильно?

– Вот то, что Вы говорите, правильно. Мы все православные. Это так. Да. Писатель один сказал, Вы, отец святой, знаете такого писателя Льва Толстого?

– Знаю, брат.

– Вот-вот. Ты знаешь. Так он сказал, что русские без веры – дрянной народишко. Это точно.

– Это Достоевский.

– Что?

– Достоевский сказал.

– Какая разница! Дело разве в том.

– А в чем?

– В том, что мы – русские, стало быть, православные. А нас гноили. Попов этих тоже. Того. Сволочи-и-и.

Мужик завыл пьяным голосом, Анастасия Ивановна перекрестившись, отчитала его маленько, и вдвоем с батюшкой они выпроводили незваного собеседника за ограду храма. Уже через минуту с улицы донесся рев песни: «А у тебя спи-и-ид, и мы все умрем...»

– Беда, беда. Спивается Россия. Почти все сектантов беда, – отец Василий глубоко вздыхает, а затем губы его начинают шептать молитву. Анастасия Ивановна смиренно ждет, а после вновь спрашивает батюшку:

– Так как же Вы у нас-то оказались?

– Владыка Ефрем посоветовал. Иди, говорит, в Светлогорск. Там епархия только образовывается. Штат иерейский, наверное, не укомплектован. Пошел я домой.

– Опять пешком?

– За все: Слава Богу! Опять добрые люди помогли. Видят, человек в рясе, остановились. С полдороги подвезли. Придя домой, переночевал, а утром сюда пошел. Благо, это недалеко. Сорок километров всего. Ваш епископ меня как родного встретил. Обнял. Расспросил. С вакансиями и у него туговато. Но взял меня сюда служить. Пока, правда, за штатом, но будет воля Господня, может, что и подвернется.

– А где же вы ночуете, батюшка?

– Здесь. В подвальчике. Там у меня матрац и одеялко. Правда, в холода я подзастыл малость, но молился Богу и не слег.

Отец Василий кладет на себя крестное знамение и шепчет благодарственную молитву.

– А как, батюшка, к Вам относятся местные священнослужители?

Отец Василий хмурится, затем горько усмехается и итожит:

– Слава Богу за все! Слава Богу!! Извините, сестра, надо идти работать. А вообще, я счастливый человек. Вот, до Пасхи дожил. Не заболел, не слег, а главное – веру в людей, в ближних своих, не потерял. Каждого, каждого любить стараюсь. И мужика этого, что когда-то Толстого с Достоевским читал, и братьев своих в рясах, и верных прихожан. А как же! Каждый, кто тайн Христовых причащается, несет в себе Христа. Это ж надо же! В каждом Христос. Да как их не любить-то. Вон, Серафим Саратовский всем проходящим руки целовал, Христа встречал. Вот так бы и нам.

– Простите, батюшка, и благословите.

– Бог тебя благословит.

Отец Василий спешит в храм. Старца Игнатия все нет. А народ прибывает и прибывает, чтобы успеть посвятить свои пасхи, куличи и крашенки.

2

Весной 1925 года на Никольскую обрушилась новая беда. Кто-то спяну ли, от недостатка ли ума, или от злого сердца пустил слух, что в деревне готовился контрреволюционный заговор, что под кровом Никольской церкви свили гнездышко матерые враги трудового народа, причастные к гибели всеми горячо любимого вождя мирового пролетариата. Кто был автором этой нелепицы осталось тайной, а только слух, несмотря на то, что новый клир с честью, верой и правдой служил родной деревне уже четвертый год, ни у кого из селян не вызывал не то что озлобления, но даже раздражения, разошелся со скоростью телеграммы далеко за пределы Никольской. Докатился он и до районного центра. И то ли человек, принесший слух этот в Светлогорск, был весьма благонадежен, то ли по какой другой причине, а только власти в сплетню поверили. Был созван внеочередной пленум райкома ВКП (б), на котором присутствовали представители чрезвычайной комиссии и кое-кто из губернского партийного начальства. На повестке дня значился вопрос: «Борьба с контрреволюционными организациями, виновными в гибели вождя мирового рабочего класса и трудового крестьянства товарища В. И. Ленина». С докладом выступил секретарь райкома, заклеивший вечным позором недобитых белогвардейцев, обосновавшихся в советской деревне, упрятавших свои поганые личины под масками служителей религиозного культа. «Очень важно, – говорил докладчик, – сегодня проявить решительность и дать беспощадный бой непримиримым врагам страны советов». Выступившие в прениях поддержали докладчика, подчеркнув, что многие члены райкома проявили в свое время мягкотелость и близорукость, не распознав в попе из Никольской кулака, пособника белогвардейщины и не арестовав еще до назначения в церковные сторожа бывшего пастуха-дезертира, уклонившегося от мобилизации в Красную Армию. Виновным членам партии были сделаны соответствующие взыскания, а резолюция съезда сводилась к одному емкому и лаконичному слову «арестовать».

Еще свежи в памяти народа были траурные январские дни, когда в каждом цехе, в каждом коллективе звучали жаркие клятвы: мстить виновным в гибели любимого Ленина без малейшей пощады. Пора было клятвы выполнять. Контрреволюционеров арестовали на следующий день. Арестовали всех, кто служил в Свято-Никольской церкви: отца Лавра, его матушку и шестнадцатилетнего сына, диакона Григория с супругой, пономаря, регента и певчих, старосту Степаниду, сторожа Егория и особо активных прихожан. Всего арестовано было двадцать два человека. В виду особой опасности, заговорщиков решено было не везти в город, а собрать всех под усиленной охраной прямо в церкви. Там продержали их двое суток до приезда полномоченного губчека, которым оказался уже знакомый деревне комиссар – матрос товарищ Ласкин.

Ласкин действовал решительно. Под конвоем пулеметного взвода недорезанных врагов советской власти вывезли за деревню к оврагам. По дороге отец Лавр и его братья и сестры во Христе пели акафисты. Командир взвода охраны хотел было их усмирить, но потом выругался, махнул рукой и усталился отрешенно в дуло пулемета. Приговоренных у оврага разделили до исподнего. Отец Лавр благословил каждого, испросил прощения у народа Православного и у конвоиров.

– Нет тебе пощады, поповская мразь, – сухо сквозь зубы процедил Ласкин.

– Я не пощады прошу, делайте свое дело, я прошу каждого простить меня, если вольно или невольно обидел кого.

– Прощения захотел, гад. Именем трудового народа. За товарища Ленина. Пли.

– Та-та-та-та-та, – отчеканил пулемет.

– Именем страны советов. Именем самого справедливого в мире государства рабочих и крестьян. Пли.

- Та-та-та-та-та, – отрапортовал пулемет.
- Смерть врагам народа! Смерть убийцам Ленина! Пли!
- Та-та-та-та-та, – поставил точку пулемет.

Но разве можно запретить журчать ручью или шуметь ветру? Разве можно уничтожить молитву? Все вроде бы сделали как надо красноармейцы. Трупы свалили в овраг. Закидали землей. Да что-то не так. Мрачен комиссар, понурили головы солдаты. Висит в воздухе что-то. Шелестом листвы, шепотом травы отзывается. Не стрелять же из пулеметов по траве? Не колоть же штыками деревья? Спешно собрался взвод и умчался на тачанках в город. А что-то осталось над оврагом, над лесочком, над околицей, над людом, без сговору стекающимся к месту казни. Что-то вытекающее из сердец и соединяющее сердца. Стоят люди, много людей у свежей могилки. Стоят, не плачут. Лишь губы шевелятся, словно вымолвить хотят, а что забыли, или не знают, или не умеют. И вдруг, разом разомкнулись уста, и, сливаясь в единый поток с необъяснимым Чем-то, закружились над землей-матушкой горячие слова молитв: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое! Да придет царствие Твое. Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» А затем и к Богородице: «Не имама иныя помощи, не имама иныя надежды, разве Тебе Владычице...» А после и Николе-угодничку – покровителю деревни: «Правило веры и образ кротости...» Поют крестьяне и чудится им, что рядом, тут, вместе с ними возносят молитву к небу и отец Лавр, и сгинувший без следа отец Феогност, и диакон Григорий, и пастушок Егорка, и староста Степанида, и певчая Дуня. Хорошо. Благостно. И не было никакой казни, ибо вот здесь, рядом, сокрыта тайна всеобщего воскресения, которую Бог явил людям в чудесном Чем-то, что осталось слезами радости и умиления на щеках расхоронившихся по домам русских мужиков и женщин.

Опустел овраг. Лишь один мальчонка остался стоять у свежего захоронения. Он стоял до густой темноты, давясь слезами, не зная, куда направить свои стопы. Плачь, мальчик, плачь. Кто осудит тебя, вновь оставшегося круглым сиротой на всем белом свете, за эти слезы горячи и отчаяния. И благостное Что-то пожалело мальчугана, осушило слезы, утерло щеки и веки теплым ночным туманом, убаюкало колыбельной мерцающих звезд. Спит мальчишка, изредка всхлипывая сквозь сон. Спит прямо на земле, еще не прогретой весенним солнцем, еще стылой от долгой и капризной зимы. Но не подступит к нему болезнь – простуда. Тепло людское, исходящее из-под свеженасыпанной земли в овраге укутало его, словно одеялом, и душа матери – певчей Дуни оберегла его материнской молитвой до самого утра.

Вновь осиротел Ваня. И вновь осиротела община. Полгода не звучало под сводами Никольской церкви иерейское: «Вонмем, Святая святым...».

Но все-таки не может русское сердце обходиться без причастия. Вновь собрались крестьяне на свой собор. Вновь решали и взвешивали до глубокой ночи. Пал Божий жребий священствовать хорошему мужику Николаю Столетову. Работящ Столетов, лошадь имеет, корову и телят. Да и семья у него подстать. Старший сын с Колчаком воевал, личной похвалы товарища Фрунзе удостоился за храбрость. Жена с утра до ночи по хозяйству хлопочет, да и младшенькие, сынок и дочурка, во всем отцу с матерью подмога. А по воскресеньям, само собой, вся семья в церкви. Агитатор еще прошлым летом приезжал, хотел старшего сына в комсомол определить, да ни в какую.

– Несознательный ты, – укорял агитатор. – Страна таких дел наворотила. Контру буржуйскую раздавила, социализм строит, попам всяким бока намяла, а ты, фронтовик, герой можно сказать войны, орденосеиц, а все к попам на поклоны бегаешь. Они тепереча должны тебе кланяться, парень, а не ты им.

Однако Федор Столетов агитатору не покорился, в комсомол не вступил, а продолжал вместе с семьей исправно посещать церковь, соблюдать посты и творить дела милостыни. Отец его на войне не был. Когда в деревню вошли «белые», пробовали они мобилизовать Николая Столетова, да только схоронился он в лесочке, и не потому, что сочувствовал «красным»,

а потому что не хотелось мужику руки пятнать русской кровью. Красные белых побьют или наоборот, а все одно – кровь и смерть на земле родной. А земля ведь не крови жаждет, а плуга да зернышка. Вот если бы иноземцы на Русь пришли, и нужно было бы за землю свою постоять, не стал бы Николай хорониться. А тут свои против своих. Хватит одного Федыки, что грех братоубийства на себя взвалил, а мы за душу его горемычную будем усердно Бога молить.

Итак, порешил «собор» крестьянский просить архиерея поставить им во священники Николая Столетова. Определились с диаконом и со старостой. Люди хорошие. В заговорах всяких не состоящие. Отправили делегацию в город, да только не скоро пришлось мужичкам домой вернуться. Нет, под арест они не попали, и лихоимцы-бандиты им дорогу не пересекали. Пострадал от лихоимцев товарища Ласкина, попав под арест, правящий архиерей Игнатий. Благо было у Никольских мужиков, где остановиться в городе. Почти два месяца ждали они решения своей участи, пока викарный епископ не рукоположил им отца Николая, а вот диакона из крестьянских кандидатов власти поставить не позволили, назначили своего. Так-то надежнее будет. Да и за то, Слава Богу! Радуйся, деревня-матушка, встречай новый клир. Будет у нас праздник, будет литургия!

* * *

Светлогорск. Наше время.

Нет, очевидно, не дожидаться Анастасии Ивановне старца Игнатия. Третий час сидит она на скамеечке у соборного храма. Все новые и новые люди приходят святить продукты, а старца все нет. Анастасия Ивановна собралась уж было уходить, как вдруг со стороны ворот донесся шум радостного оживления.

– Что там? – заволновались люди.

– Святая! Святая пришла. Мученица за веру.

При этих словах Анастасия Ивановна встрепенулась. Воображение живо нарисовало образ древней старицы, поддерживаемой под руки старушками в черных, до глаз укутавших чело платках. Но как ни вглядывалась она в приближавшуюся толпу, никакой старицы там не было, а было вот что: женщина лет сорока пяти в окружении казаков, чья грудь сплошной орденом, шла чинно, раздавая во все стороны крашенные яички из большой корзины, которую нес за ней убогий паренек.

Из церкви вышел пожилой батюшка. Посмотрел пристально, покачал головой, вздохнул, перекрестился и отвернулся от процессии. Анастасия Ивановна подошла к священнику:

– Благословите, отец Георгий.

– Бог тебя благословит, дочка.

– Батюшка, Вы не знаете, кто это такие-то?

– Святая. И ее апостолы.

– Как святая?

– Очень просто. Есть два пути к святости. Один тернист и труден, и лежит через Голгофу, через крест и страдания. Это путь воскресшего Христа. Отважиться идти по этому пути ой, как трудно. А есть путь иной. Зачем страдать и умирать? Не лучше ли просто осознать, что ты уже свят, что ты уже бог? Вот только кое-кто называет эту дорогу – путем Иуды. Но это мелочь. Не стоит обращать внимание.

Батюшка снова вздохнул и перекрестился.

– Так это самозванка? Почему же ее не выгонят с территории храма?

– За что? Титулов на себя она не возлагает. Молится по православному. Постится все время. А, кроме того, молва народная нарекла ее мученицей за веру. Прогонишь ее – еще больше утвердишь славу страдальницы.

– В чем же ее мученичество, батюшка?

– Пришли как-то к отцу Игорю в Александро-Невскую церковь две женщины, попросились допустить прислуживать в храме. Женщины незнакомые, но одеты хорошо, ведут себя чинно, молитву творят усердно. Допустил. Закончилась утренняя, засобирался отец Игорь домой, а женщины эти говорят, мол, Вы не беспокойтесь, мы здесь все приберем, идите себе домой. Отец Игорь сторожу наказал женщин не прогонять, пусть, мол, приберутся. Подсвечники в порядок приведут, полы помоют. Приходит утром рано. Церковь открыта. Спрашивает сторожа как, мол, дела, когда новые послушницы ушли по домам? Тот отвечает, что те, дескать, и не уходили никуда. Всю ночь в храме молились, пели что-то. Заходит отец Игорь в церковь, стоят две новые прислужницы, акафист поют. Подивился иерей. В церкви подметено, правда, подсвечники не все вычищены. Пожурил он их немножко, а тут и прихожане стали сходить, нужно службу вести. Вечером наказал сторожу ровно в девять часов выпроводить прислужниц и запереть церковь. Приходит утром рано, церковь открыта, в храме не убрано, женщины акафист поют. Он к сторожу, в чем, мол, дело, почему не выполнил его наказ? Сторож отвечает, что хотел, было выпроводить усердных послушниц, но они – одна с хоругвью, другая с иконою – стали ходить вокруг церкви крестным ходом, говорят, что за всю Россию Православную молятся. Чтобы не погибла она потому, как было одной из них такое откровение свыше.

Отец Георгий снова вздохнул и трижды перекрестился.

– И что же дальше-то?

– Испугался иерей, решил помощниц рассчитать. Те не перечат, кивают головами, прощения просят. Вечером батюшка самолично проверил храм. Закрыто на замок. Ушел домой, да только не спокойно на душе как-то. Утром чуть свет в церковь, а там двери настежь, в храме человек пять, среди них две спасительницы России, сторож, певчая и два мужичка – не из прихожан. Стоят с иконами, поют. Отец Игорь даже накричал на них, мол, как же это без благословения, да в обход запрета. Они соглашаются, кивают. Отец Игорь наложил на сторожа епитимью, а женщин из церкви выгнал. Отслужил чинно, благополучно. Ушел вечером домой, и места себе не находит. Наконец решил с матушкой своей прогуляться к церкви. Приходит в одиннадцатом часу, а там человек двадцать со свечами, иконами, с хоругвями вокруг храма крестным ходом ходят, акафист поют. Ох, и рассердился отец-настоятель. И кричал, и ногами топал, разогнал самочинников. Сторожа на следующий день уволил, а к ночи решил, на всякий случай, проверить церковь. А там уже человек сто, и среди них многие его прихожане. Чуть не заплакал отец Игорь, выругался не по-иерейски, а мужики, что со знакомками его были, осерчали на него за это, вытолкали с территории церкви, едва не побили. Пришлось милицию вызывать. Самочинников разогнали, а за женщинами теми, что Россию спасти взяли, слава мучениц закрепилась, а затем уж молва их святыми окрестила. Так-то. А ты чего у нее яичко не взяла?

– Да что Вы, батюшка, грех-то какой. Я за версту ее теперь обходить буду.

– Ну-ну. Ладно, дочка, пора мне.

Отец Георгий еще раз перекрестился, покачал головой и ушел в церковь. Нет. Видно не дождется сегодня Анастасия Ивановна старца Игнатия. Собралась уходить, да в воротах с ним и столкнулась. О палочку опирается. Никакой свиты, казаков, корзин и убогих. Благословились, спросила, есть ли минутка для разговора?

– Ты, дочка, трудное дело на свои плечи возложила, но богоугодное. Да и сам Никола-чудотворец тебя благословил на это.

– Откуда Вы, батюшка, знаете?

– Знаю, дочка, знаю, чего ждешь от меня. Садись, поговорим.

Анастасия Ивановна помогает старцу сесть на скамейку. Он перевод дух, глядит на вереницу людей, уходящих из церкви, с освященными продуктами, улыбается им вслед уголками глаз.

– Батюшка, меня интересует все, что связано с историей Свято-Никольской церкви, с деятельностью владыки Игнатия, борьбой с обновленцами. Архивных материалов здесь не достаточно, нужны воспоминания живых свидетелей.

– Хорошо ты, дочка, сказала: «Свидетелей». А знаешь, как это слово звучит в греческом языке? Мартирос – мученик. Не даром в Библии есть стихи: «Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых». Мучеников Христовых. Вот так-то. И много их свидетелей-мучеников теперь у престола Божия в Его Небесном Царстве: и митрополиты, и епископы, и иереи, и верные миряне. Сотни, тысячи, десятки тысяч, свидетельствовавших об истине в бесовское лихолетье. Сподобил меня Господь выжить, рассказать о том времени. Что помню, расскажу, лишнего не прибавлю. А память, Слава Богу, сейчас у меня чистая, незамутненная, как ключ в лесной чаще. А было когда-то не так. В норильском лагере отнял у меня Господь память. И руки отнял, и ноги. И речь, и слух. Парализовало меня. Ни говорить не могу, ни есть. Так в бараке валялся, как живая падаль. Ничего не помню. Как зовут – не помню, как мама выглядит – не помню, да и кто такая мама – не помню. А мозг все же не умер. Губы с трудом, но молитву шепчут. А какая там молитва, ни чего не помню. «Отче наш» и то забыл. А сердце не забыло, что есть Что-то высшее, прекрасное, к чему оно всегда стремилось. Вот этому-то Чему-то и молилось. Уже потом, когда много времени спустя ко мне разум вернулся, сказали мне люди, что губы мои шептали одно и тоже: «Не остави меня...» А чуть позже: «Не остави меня, Боже». Вот так и выжил на удивление всем. Люди-то добрые рядом были, что подкармливали меня баландой лагерной, поили водой, а как вышел срок моей неволи, еще полгода за мной ухаживали в лагерной больнице. И вот помню тот день, когда ко мне вернулось сознание. Вижу потолок грязный, давно не беленный, с уродливыми трещинками. Удивился. Не похоже на лагерьный барак. Неужели, думаю, в ад за грехи мои определен. Слышу, говорит кто-то, совсем рядом, а это, оказывается, губы мои шепчут ту самую молитву: «Не остави меня, Боже». И еще птички за окном поют. Значит, не ад пока, значит, есть еще время для покаяния. Милостив Господь.

Старец говорит тихо, почти шепотом, но словно музыка, которую хочется слушать и слушать, слетает с его губ. Хорошо, благостно, мутно. О таком умиротворении мечтала когда-то мятущаяся душа Анастасии Ивановны, когда жадно заглатывала книги по теософии или по восточным религиозным культам, когда искалеченная чудо-сеансами Чумака и Кашпировского пыталась спрятаться в гостеприимных стенах протестантских молитвенных собраний. Как давно это было, а помнит Анастасия Ивановна свои визиты к сектантам. Елейные лица старушек, зазывающих у открытых ворот общины:

– Скорее идите к нам, у нас тут весело!

А за старушками во дворе стояли длинные большие столы с угощением, и это когда все буквально было в стране по талонам и, чего там, кушать хотелось сильно. А в собрании ни тебе попов, ни тебе командиров, ни тебе завучей и директоров. Все свои в доску, а проповедь может читать, кто захочет. Свобода, равенство, братство. Ни к этому ли всегда стремилось человечество? Ни в этом ли покой для заплутавшей в житейских лабиринтах души? И все бы хорошо, да что-то не хорошо. Что-то чужое, даже фальшивое было в этих улыбках, столах, яствах, проповедях, а слова очередного проповедника в красивом свитере и джинсах: «Кто выйдет сегодня из собрания нашего не уверовав, гореть тому в вечных муках, в гиене огненной», – словно отрезвили учительницу истории. Тихо, незаметно, чтобы не помешать другим, вышла она из зала собрания и у самой калитки столкнулась с елейной старушкой.

– Чего так рано, сестрица? Али не понравилось?

– Не понравилось. Не мое это, знаете. Другого душа просит...

Анастасия Ивановна осеклась, не договорила, встретившись взглядом с переставшими улыбаться стеклянными, холодными глазами старушки. О, сколько ярких проповедей в одну секунду сказали эти глаза, куда там пареньку в джинсах и свитере! Анастасия Ивановна спешно

распрошлась и выбежала вон, едва не разбив ворота плечом. Нет, ни такого мира искало ее сердце, а такого, что исходил сейчас от добрых, теплых, искалеченных морщинами глаз собеседника.

Старец Игнатий все говорил о своей счастливой, хотя и горемычной жизни; о добрых благочестивых людях до самой смерти своей оставшихся верными Христу и Пречистой Его Матери; об удивительных пастырях, бывших для паствы не только учителями, но и кроткими слугами; о воинствующих безбожниках, в одночасье становившихся мученикам за Христа от одного слова или даже взгляда святых Божиих угодников. Старец говорил, и Анастасия Ивановна вдруг заплакала, без причины, заплакала горько, словно где-то в глубине ее сердца вдруг лопнул давний и недоступный хирургическому вмешательству нарыв. Старец погладил ее по голове, благословил, поцеловал в макушку и ушел. А Анастасия Ивановна так и осталась плакать у стен храма, вызывая удивления у все приходивших людей, спешивших освятить свои куличи до начала очередной «аншлаговской тусовки» по российскому телевидению.

До Светлого Христова Воскрешения оставалось чуть больше шести часов.

3

Протоиерей Рафаил был вызван по срочному делу в Светлогорское Че-Ка. Отец Рафаил, чрезвычайно удивленный этим обстоятельством, поскольку был тихим, безынициативным приходским настоятелем пригородной кладбищенской церквушки, никогда не помышлявший ни о заговорах, ни о контрреволюционной агитации, да и вообще к политике был до крайности равнодушен, и явился в указанное место тотчас. В кабинете начальника райчека товарища Ласкина находился человек, в отличие от самого Ласкина, весьма интеллигентного вида, в круглых очках, с острой маленькой бородкой и лысый.

– Здравствуйте, Рафаил Константинович, – начал разговор незнакомец. – Просим Вас располагаться поудобнее, беседа нам предстоит очень важная. Мы знаем Вас, как человека благонадежного, поддерживающего советскую власть. Так я говорю, товарищ Ласкин?

– Вам виднее, товарищ Блюмкин. По крайней мере, к заговору Никольских он не причастен и по делу попа Феогоста не проходил.

– Вот именно. Советская власть, товарищ, предлагает Вам сотрудничество, предлагает потрудиться, так сказать, на религиозной ниве, на благо государства рабочих и крестьян. Вы что-нибудь слышали об обновленчестве?

– Это в Москве? Что-то... В общих чертах.

– Милые, добрые люди. Священники, так сказать. Решили не остаться в стороне от мировой революции, решили внести свой посильный вклад в дело строительства социализма. Изменить кое-какие вредные буржуазные обряды, перевести богослужения на доступный простому русскому человеку язык. А то, понимаешь, весь народ пишет и читает по-новому. Советская власть делает все, чтобы трудящимся массам было проще овладеть навыками грамотности. Таковую, понимаешь, реформу провел наркомпрос – все для людей. А в церквях все по-древнему, все по-первобытному. Нехорошо. Так я говорю, товарищ?

– Конечно. А то как же... Именно это самое.

– Так вот, Рафаил Константинович, наша область решила не оставаться в стороне и включиться, так сказать, засучив рукава, в благое дело церковных реформ, чтобы к шестидесятой годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина рапортовать в Москву, в Кремль об успешном осуществлении строительства советской новой церкви. Ну, как?

– Что?

– Нравится наша идея?

– Конечно... Именно это самое.

– Вот и прекрасненько. Значит, Вы согласны?

– На что?

– Как, разве я Вам еще не сказал? Центральный комитет хочет возложить на Вас, Рафаил Константинович, почетную миссию стать епархиальным епископом. Ну, как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.